

образные банки из-под краски, валявшиеся в центре величественного зала. Оказалось, что помойка, устроенная на территории Государственного Эрмитажа, является лучшей из работ Кабаковых, приобретенных музеем. Я человек совестливый, и потому мне стало неловко. Хотя вообще-то неловко должно было стать тем, кто пронес этот хлам в стены главного музея страны.

Проблема всего нового — которую производители нового и их верная паства стараются не замечать — заключается прежде всего в том, что оно новое. Прекрасен отель «Метрополь» в Монте-Карло: уютный, с фантастически вкусным рестораном Жоэля Робюшона, с зоной спа, переделанной вездесущим Карлом Лагрефельдом, с Анастасией Мыскиной за завтраком. А отель De Paris, ровно напротив, возможно, совсем не так уютен — ибо 150 назад, когда он распахнул свои двери, о комфорте были иные представления. Но это было 150 лет назад. Время в отличие от множества других неосознаваемых категорий величина объективная. Боттичелли прекрасен уже пять веков — и уже одно это, разумеется, делает его в моих глазах выше упомянутой инсталляции Кабаковых.

В еще одном лазурнобережном отеле — Du Cap-Eden Roc — мне только что довелось наблюдать ралли старинных автомобилей: ну это же просто не оторвать глаз что такое. Понятно, что с тех пор вверх взмыли скорости, эргономичность достигла астрономических показателей, человек полетел в космос, и даже простой обаятельный застройщик Василий Клюкин туда собирается, но в эстетическом смысле это было развитие в обратную сторону — от эlegantного к серенькому, средненькому.

Говорят: не надо противопоставлять старое и новое, они должны идти рядом.

Разумеется, есть сферы, в которых это возможно. Одни покупают, как заведенные, проверенные миллионами печенок бордосские вина, другие охотятся за напитками Нового Света, третьи разыскивают биовина, и их даже не смущают страшноватые этикетки, обычно нашлепываемые на этот продукт. Но существуют области, в которых такое радостное сосуществование возможно в значительно меньшей степени. Вот, скажем, даже самые выдающиеся танцовщики современности после репетиций с Начо Дуато его «Ромео и Джульетты» в Михайловском театре стали отчаянно косолапать. Танцевальный язык большого современного хореографа находится в жесткой противофазе с требованиями балета классического. И это противоречие из числа тех, которые разговорами о конвергенции, взаимодополняемости культур не разрешить. Тут надо принимать административное решение в пользу того или иного варианта.

В Большом театре, на несколько лет ставшем местом для хореографических экспериментов, многие из которых, кстати говоря, оказались удачными, сейчас снова повернулись лицом к классическому балету. Сработала коммерческая жилка: народ считает «Спартак», «Жизель», «Лебединое озеро» и не желает, хоть ты кол ему на голове теши, приобретать даже за минимальные деньги «В комнате наверху» и «Симфонию псалмов», хотя «Симфония» тоже признанная классика, а «В комнате наверху» — свежерожденный шедевр. Возможно, просто время таких балетов и билетов еще не пришло в Россию. И попытка протолкнуть их вне очереди, поперек, так сказать, бабки, не удалась.

Тяга ко всему старинному — а значит, прочному, основательному, на века,

Афиша к балету Петипа «Баядерка», 1889

Матильда Кшесинская и Николай Соляников в спектакле «Пробуждение Флоры», Мариус Петипа, 1907

причем не в метафорическом, а в самом прямом смысле слова — стремительно заменяет склонность к новейшим цветам, фактурам, сочетаниям. В богатых лондонских домах, разумеется, находится место для светильников-«калашниковых» Филиппа Старка — но стоят они на комодах XIX века, а входная дверь во всю эту роскошь приобретается на *market brocante* во французской провинции.

Посмотрите на красное пальто в витрине Dior — вот он, важнейший символ современной моды, правда, выпуска 50-х годов прошлого века. Взгляните на манекены Chanel: слава богу, им не удалось далеко убежать от великой мадемуазель. Отели-«дворцы» пло-

дятся по всему миру с немыслимой скоростью, оставив далеко позади модные еще пять лет назад «стекляшки». Народ слушает пластинки и рыщет по городу в поиске разваливающихся «Ренишей» и «Бозендорфев», которые еще совсем недавно отдавали бесплатно, за самовывоз. А все почему? Потому что стало понятно, что перенос сцены дуэли Онегина с Ленским с лесной поляны на кухню и замена «Теперь сходитесь!» на «Теперь входите!» — это как если бы Кабаковы в свободное от установки туалетов, вагонов и прочей дорогостоящей инсталляции время взяли бы да и подрисовали Венере с «Рождения Венеры» усы. Жест? Нет-нет. «Рождение Венеры» — жест, а это так, хулиганство.

ПУБЛИКА СМЕТАЕТ «Спартак», «Жизель», «Лебединое озеро», а о новомодных спектаклях и слышать не хочет

«ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО» В РЕДАКЦИИ КОНСТАНТИНА СЕРГЕЕВА, 1950